

Глава 8. Маскулинность и утрата субъектности

1. ТЕЛО И ТЕЛЕСНОСТЬ

Концепты маскулинности в культурах XIX–XX вв. тесно связаны с канонами телесности и идеологемой национализма. К середине XX в. в этом каноне были отражены самые разные стороны японской культуры — и островная уникальность, отразившаяся в представлении японцев об особости своего общества, и уникальный для Азии опыт экспансии и милитаризма в 30–40-х гг. XX в., и влияние самурайского наследия с его тиражированным в XX в. образом бусидо [Гилмор: 194]. Вспомним, что человеческое тело, как и все его функции, неотторжимы от социальной жизни [Подорога: сайт], и мы увидим, как меняются тела японских мужчин при смене социальных обстоятельств.

К началу 1940-х гг. японское общество было в высокой степени милитаризованным, так как страна вела военные действия в Китае и на островах Тихого океана. Как обычно, тоталитарные режимы дисциплинируют и подчиняют тела своих граждан, чтобы ими было легче распоряжаться. Так происходило в нацистской Германии, в сталинском СССР, в милитаристской Японии. Уже после призыва в японскую армию тело переставало принадлежать человеку и отчуждалось в пользу родины и императора, а то, что принадлежит родине и императору, должно было содержаться в полном порядке [Мещеряков 2012: 364].

Однако после оглашения рескрипта императора 15 августа 1945 г. солдатские тела «поменяли» своих хозяев. Военнослужащие Квантунской армии на неопределенный срок перешли в распоряжение Красной армии, а затем — ГУПВИ. По мере того как военнопленный осознал новую ситуацию и свои стратегии выживания, он «приватизировал» (А. Мещеряков) свое тело и начинал распоряжаться им как своей собственностью.

До 1945 г. тело японского солдата ассоциировалось с героической смертью, которая воспринималась как победа: прежде всего победа собственного духа над собственным телом [Мещеряков 2013: 160]. В плену эта победа могла быть прочитана по-разному: для большинства пленных — выжить любой ценой, а для кого-то — распорядиться своей жизнью и своим телом самостоятельно.

Мужчина в лагере теряет свои особые ресурсы, которые поддерживают его маскулинность, и сам становится объектом чужих решений. Он теряет предикат свободной сознательной воли, больше не владея пространством жизненных значений и не создавая его [В. Подорога: сайт]. Тогда он начинает острее чувствовать голод, свою худобу, становится чувствительнее к окружающей среде. Появляется тело, переживаемое субъектом.

Многие были обморожены. У молодых солдат было больше обморожений, потому что они не могли высушить свои валенки. Однако командир говорил, что у молодых солдат нет солдатского духа, поэтому они страдают от отморожений. Я тоже мучился — кожа и ногти были отморожены и было страшно смотреть на красное мясо. Ужасная боль даже из-за слабого ветерка [Ооути: 63].

Воспоминания японских военнопленных полны знаками телесности. Известно, что телесность состоит из целостных, относительно законченных фрагментов опыта [Секацкий: сайт] и они отражаются в каждом воспоминании много раз: это, прежде всего, чувства голода, холода, вопросы одежды и еды, болезней и гигиены, стула и сна. Напоминая о себе все лагерные годы, тело иногда возвращалось на родину фрагментами, о чем говорит документ, разрешающий военнопленным взять с собой «хранящиеся у некоторых из них локоны волос и фаланги пальцев умерших соотечественников» [Главное: 798].

Надо отметить, что если в ГУЛАГе с каждым месяцем и годом, проведенным за колючей проволокой, человек становился слабее физически и морально, то в лагерях ГУПВИ для японцев самые тяжелые условия были в первый год и частично во второй, когда вопросы жилья и обеспечения прибывших еще не были решены. Уже с весны 1947 г. смертность среди японских военнопленных существенно сократилась, и в целом жизнь очень медленно, но улучшалась.

Повествования о лагерной повседневности, особенно в тех сюжетах, что так или иначе связаны с телесностью, часто несут удивительные в своей искренности подробности, нередко содержат иронические оттенки. В этой самоиронии проявляется классический постколониальный субъект, уже освобожденный от репрессированной идентичности интернированного япончика и пародийно изображающий свою субъектность лагерных времен. На рис. 55 Киучи «Сидеть было больно» изображены худые замерзшие голые особи мужского пола. Они сидят, ссутулившись, скорее в женской позе — скованно, скрестив ноги, как на скамье подсудимых. Выражения их лиц жалобны и не имеют ничего общего с мужественностью. Неуют этого мира подчеркивает лампочка, свисающая с потолка как петля виселицы.

Раз–два раза в месяц мы ходили в баню. Сидеть на скамейках было больно, из-за худобы кости попадали прямо на твёрдую поверхность скамейки [Киути: сайт].

В небольшом зале наши парикмахеры побрили волосы даже на срамной части тела у всех японцев... Вот и мои бедра стали пустынно, а член после такой болезненной процедуры грустно опустился [Ёсида Ю.: сайт].

Такэути также помнил это состояние:

Я так несчастен. Бреют волосы в самом важном месте. — Ох, и подмышку бритвой. — Хорошо бы, чтоб и бороду сбрили [Такэути: 40].

Мы брили все волосы на теле, в паховой области тоже. *Большой у Вас предмет. — Ой, стал как женщина* [Ватанабэ: 309].

Утраченная маскулинность солдат проигравшей войну армии часто отражалась непосредственно в виде импотенции, которую исследователи отмечали, например, у многих итальянских солдат после Второй мировой войны. Психологи называют это явление временной гипосексуальностью [Китаев-Смык]. Подобная симптоматика кастрации, по мнению К. Лиля, была репрезентирована в завуалированном виде во многих советских фильмах о войне — в «фигуре раненого ущербного мужского тела» [Кагановский Л.: 10].

Символическая кастрация отражалась и на мужчинах, сидевших в ГУЛАГе. Е. Гинзбург вспоминала эпизод, когда женский этап встретился с мужским:

Вот дожили, мужчин от женщин отличить не умеем... Ой, баба! Ой, нет! Как Чичиков о Плюшкине... Но чем пристальнее всматриваемся в проходящие шеренги работяг, тем больше становится не до шуток. Да, они бесполы, эти роботы в ватных брюках, тряпичных чунях, в нахлобученных на глаза малахаях, с лицами кирпичными, в черных подпаланах мороза, закутанными почти до глаз какими-то отрешьями [Гинзбург: 299–300].

Об этой гипосексуальности в плену вспоминали многие.

Костер — место отдыха с товарищами. Мы говорили только о продуктах и о *дамой*. Совсем не говорили о женщинах. Мы слушали про истории с русскими девушками только от тех, кто имел хорошую специальность и работу. Трудно поверить в эти рассказы [Сато: сайт].

Мороз сильно истощил наши силы. Надевали на себя все, что было. Советские люди смеялись, что мы все худые по сравнению с ними. Когда организм истощен, душевные силы тоже его покидают. Малодушные люди истощались скорее [Ооути: 81].

Пленный, который прожил две зимы. Товарищи две зимы работали на лесоповале, транспортировке леса и ремонте железной дороги. За две зимы они совсем исхудали и стали дистрофиками. С ними часто стали случаться неприятности, особенно на ночной разгрузке вагонов. Их лица стали как у стариков. Говорят, что в первую зиму погибло около 50 тысяч. Слышал, что у неко-

торых людей мясо на ягодицах исчезало так, что был виден задний проход²¹ [Саго: сайт].

Для японских солдат, привыкших к высоким нормам личной гигиены, важной процедурой была помывка в бане. Приказом МВД каждому военнопленному для банных дел выделяли кусок мыла весом 300 г в месяц из расчета, что 100 г — для туалетных надобностей, 100 г — для бани, 100 г — для стирки белья [Военнопленные: 408].

Конечно, сюжет с баней часто встречается в изобразительном метатексте.

Общественная баня рядом с лагерем. Людей было так много, как картошки в кастрюле. После этого три года мы не мылись нормально [Ватанабэ: 90].

По приказу советских врачей нас повели в баню. В баню, при -25°C ?! Это, скажу я вам, совсем не шутка. Если бы мы не были такими молодыми и здоровыми, то запросто могли умереть от переохлаждения. Мы растапливали снег в железных бочках, и каждый мылся на морозе одним тазом воды. Здесь я снова почувствовал дыхание смерти [Киути: сайт].

В лагере нет бани. Мы ходим в городскую баню раз в 10 дней. Но там не хватает дров, поэтому мы должны носить с собой щепки в мешках. — *Идем в русскую баню с мешком на плечах. — Действительно, странная страна. Такая баня не годится. Мы должны сидеть в бочке с горячей водой. — Баня лучше, чем душ. Но тело никак не согреется* [Такэути: 155–156].

После первых тяжелых лет в лагере, когда обстановка становилась чуть благоприятнее, менялось и самочувствие японских солдат. Стал возникать интерес к женщинам. Об этом рисунок Такэути. *Товарный вагон. Смотреть наверх опасно — там стоит женщина в юбке* [Такэути: 131]. Опасно, видимо, потому, что в те годы в Сибири встречались женщины, не носившие нижнего белья [ПМА. Интервью с Р. Кешабян. Ереван. 2007].

Комната для дезинфекции одежды. Японцы подглядывают, как купаются медсестры. *Советский... очень хорошо* [Такэути: 77].

Купаются перед ужином после работы. — Тащи, тащи. — Как приятно искупаться после работы. — Яманака отлично плавает, хотя сам из горных мест [Такэути: 106].

На заводе работала начальником красавица 20–22 лет. Говорят, она получила образование в Москве. Говорят, что она самая строгая. Но и советским рабочим, и японским пленным даже ее замечания приятны [Ооути: 157].

Интерес к жизни возвращался, что означало и возвращение половых инстинктов. Выше обсуждались сюжеты с девушками. Однако в гомосоциальном сообществе лагеря возникали отношения и между пленными.

Однополые отношения встречались во всех лагерях мира. На мои расспросы бывших японских военнопленных, были ли в их бараке однополые пары, все отвечали, что они слышали о подобном, но лично не встречали. То же говорили на эту тему женщины, пережившие Освенцим. Как отмечала Джоан Рингельхайм, в разделенных по принципу пола лагерях <...> глубокие дружеские отношения, возникав-

21 Эту степень истощения трудно представить, но оказалось, что бывшие узники нацистского концлагеря Нойенгамме нарисовали своих доходяг, у которых был виден задний проход в положении стоя [архив Нойенгамме].

шие между женщинами, иногда перерастали в сексуальные, но никто из женщин не говорил о таком опыте как о собственном [Рингельхайм 2000: 261] (Рис. 56).

В рисунках о лагере иногда встречаются деликатные намеки на особые отношения среди японских военнопленных, но словами такие отношения определяются только как «странные», «удивительные». При этом в рисунках отражены разные чувства: и нежность, и ревность, и любовь.

Пленный А. услышал, как двое воркуют в бане. Разговор был таким: ты поверь мне, я ничего такого не делал. Когда он заглянул, там было двое пленных, в 11 часов ночи. Это удивительное «товарищество» [Ооути: 158].

А вот и история любви и измены.

К. расстался с С. и завел особые отношения с Э. Однажды С. заглянул в окно и увидел, как они вместе спят, его глаза налились кровью. С. и Э. работали внутри управления и ночевали в бараке далеко от других пленников. В лагере есть и любовь, и измены [Ооути: 158].

В лагерном контексте близкие отношения особенно ценимы. Как вспоминали пережившие Холокост женщины, важны были не собственно сексуальные отношения, а другое: «Если вы могли получить тепло, заботу, любовь — это было хорошо, это было существенно» [Рингельхайм: 260].

2. БОЛЕЗНИ

Болезни всегда сопровождают концентрацию большого количества ослабленных людей в ограниченном пространстве, в отсутствие полноценного питания и гигиенических условий они были неизбежны. Для организации медицинского обслуживания японцев в лагере были направлены 1492 медицинских работника, в том числе 502 врача, развернута работа 31 спецгоспиталя на 14 700 мест [Военнопленные: 242]. К началу 1946 г. каждый пятый военнопленный японец относился к категории ослабленных. Быстро росло число заболевших (на 1 ноября 1945 г. — 1,7 %, на 1 декабря — 2,9%, на 1 января 1946 г. — 4,5 % всех военнопленных). Умершие в декабре 1945 г. составили 3385 чел., в январе 1946 г. — 5168 человек [Военнопленные: 242]. Основными причинами смерти японских военнопленных в это время были дистрофия (50,0%), воспаление легких (5,7%), туберкулез (4,7%), дизентерия (5,0%), сыпной тиф (19,5%) [Военнопленные: 485]. Встречались и больные бери-бери [Военнопленные: 231].

Пик заболеваемости японских военнопленных, согласно отчетам ГУПВИ, пришелся на февраль 1946 г., когда количество больных составило 5,9 % от общего количества пленников [Главное: 422].

Конечно, пленных старались лечить, но врачей, больниц, оборудования и лекарств не хватало. Что же было делать с тем количеством хронических больных, ослабленных людей, которые не могли работать? Содержать больных военнопленных не входило в задачи ГУПВИ. Поэтому было принято решение о вывозе 20 тыс. инвалидов, больных, длительно нетрудоспособных военнопленных и завозе из Кореи в лагерь МВД 22 тыс. здоровых военнопленных японцев [Военнопленные: 811–812].

Большое количество больных вызывало озабоченность в руководстве МВД, и справки о количестве больных и диагнозах заболеваний подавались на самый верх регулярно. Из них мы узнаем, что, к примеру, в первой декаде февраля 1946 г. самыми распространенными болезнями в лагерях были: дистрофия, острые желудочные заболевания, малярия, туберкулез, воспаление легких, сыпной и возвратный тифы, брюшной и паратиф, дизентерия [Военнопленные: 484].

Дистрофия — это такое состояние, при котором вследствие хронического недоедания общее ослабление организма становится опасным для жизни, ее признаки кроме очевидного истощения организма — хроническая усталость, нарушение памяти, внезапные приступы эйфории и голодные фантазии. Советские врачи стали официально применять диагноз «алиментарная дистрофия» только после блокады Ленинграда. Четырехтомник словаря русского языка Ушакова (1935–1940) не приводит слова «дистрофия», а словарь Ожегова в 1953 г. уже содержит. Как пишет Ж. Росси, было в ходу и другое иносказание — полиавитаминоз — одна из секретных гулаговских формулировок взамен «истощения от недоедания» [Росси: 292].

Конечно, дистрофия была одной из основных причин смертности в лагерях. Так, за октябрь–декабрь 1945 г. в лагере № 2 (г. Совгавань) скончались 224 человека. Причины смерти — дистрофия, воспаление легких, дизентерия [ОА ГАУ. Ф. 01, Оп. 15. Д. 35, цит. по: Кузьмина]. В лагере № 1 (ст. Мули Хабаровского края) с октября 1945 г. по март 1946 г. умерло 70 % от всех бывших в лагере, а именно 476 человек. Среди причин смертности на первом месте — смерть от воспаления легких, потом от дизентерии, туберкулеза, алиментарной дистрофии [ОА ГАУ. Ф. 01. Оп. 15. Д. 35. Цит. по: Кузьмина].

Помимо дистрофии и инфекционных заболеваний, которыми страдали военнопленные всех национальностей, у японских пленников был высокий процент больных туберкулезом, примерно 15 % от всех больных.

Пленных с такими хроническими заболеваниями как артрит, гипертония, стенокардия, ревматизм, как правило, не лечили, а при обострении не освобождали от работы, хотя теоретически их должны были отправлять на более легкие работы. Но легких работ на всех хронических больных не хватало. Как цинично говорили таким больным в ГУЛАГе: тебя надо бы отправить перебирать печень, но его нет.

Ж. Росси писал, что в ГУЛАГе от работы освобождали при температуре тела 37,3, в лагерях КТР освобождали при 38 градусах. Пребывание в больнице означало немного лучшее питание, улучшенные бытовые условия, а также отдых от изнуряющей работы.

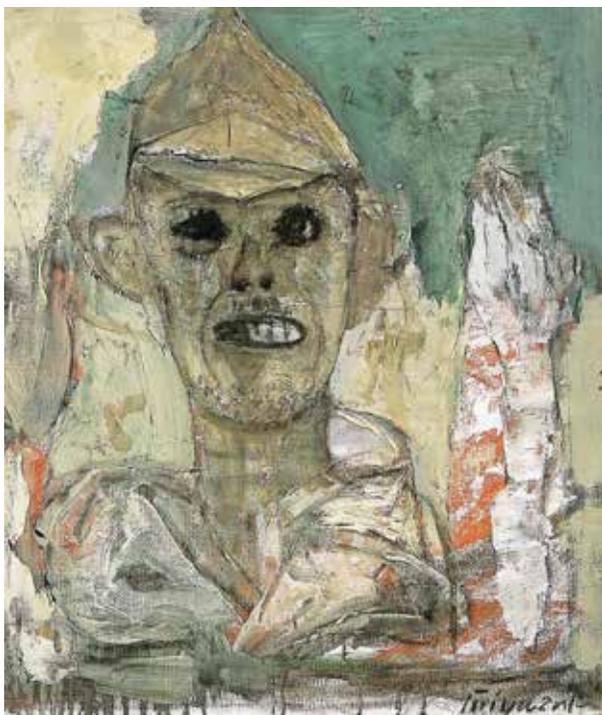
Как писал С. Карнер, из медикаментов только камфара, йод и лекарства типа аспирина; перевязочных материалов почти не было, а хирургические операции делались без наркоза [Карнер: 109]. У Карнера довольно оптимистичное представление, возможно такой набор лекарств был в каких-то лагерях, но не во всех. Часто врач ничем не мог помочь, часто он совсем не сострадал больному, поэтому в ГУЛАГе таких врачей или фельдшеров называли помощниками смерти [Росси: 299].

Женщина–врач и пленный врач. Раньше женщина–врач была прекрасна как цветок. У нее квалификация как у японской медсестры. Работа заключается в том, чтобы следить за санитарным состоянием помещений и предотвращать саботаж из-за симуляции заболевания. Она хорошо относилась к тем, у кого высокая температура и кто очень худой. При этом она не признавала невралгию и депрессию [Сато: 29].

Товарищ «Солдат в очках». Перевязал сломанные очки пластырем и бинтом. Он беспокоится о котелке, в темноте один глаз не двигается, видит только один ракурс. Вчера его очки сломались, и все были удивлены, как он пал духом. Он старше других на два года, но из-за сильной близорукости его позже призвали в армию. С перевязанными очками уже можно видеть, и спокойствие к нему вернулось [Саго: сайт].

В больнице у многих пациентов туберкулез, дистрофия, обморожения и переломы, полученные на лесоповале. Даже открытые раны покрывали гипсом. Поэтому летом в них заводятся черви. Ужасные запахи. В отделении внутренней терапии пахнет, как будто сварили горшок с мокротой. Поэтому я бежал из больницы в рабочий отряд [Саго: сайт].

Рассмотрим картину Сина Миязаки «Сумасшедший пленник» (рис. 57). Образ молодого парня, у которого такое лицо, что, однажды увидев, забыть невозможно. Это лицо лишено одного из главных эволюционных условий нормы — симметричности: одно ухо больше, чем другое, и они разной формы. Глаза тоже разные, причем правый глаз уже и без белка, а левый глаз — неестественно круглый. Кроме огромных черных глаз ужасает несимметричный полуоткрытый рот, в котором видны крупные зубы справа и темная пустота слева. Перебинтованная левая рука в пятнах крови. Образ дополняет буденовка, головной убор красноармейца, который был заменен в 1940 г. шапкой-ушанкой. Видимо, хранившиеся на складах устаревшие виды амуниции иногда доставались военнопленным, которые их перекраивали под себя.

В середине января мой товарищ Макиути упал от недоедания, он сошел с ума. Его подняли за плечи и отнесли в кабинет врача. Через несколько дней его куда-то отвезли. Потом мы искали его в списке возвратившихся, но не нашли. *Что случилось с Макиути-саном? Упал на горе и как-то странно говорит: уха-уха... Совсем с ума сошел* [Ватанабэ: 206].

Как-то у Мацумото из Осаки, страдавшего от недоедания и холода, была галлюцинация. Он думал, что у него есть еда в пустой банке. Он продолжал копать в ней, и я слышал этот звук весь день, он постепенно слабел. Когда наступила полная тишина, пленный исчерпал свои силы, его жизнь закончилась. Этот инцидент напугал нас. Мы все думали, что такая же судьба может ждать нас завтра [Ёсида: 142].

Маленький солдат Ф., ростом меньше 150 см, психологически вымотан. Он часто плакал и жаловался — то ему дали меньший кусок хлеба, то не может обуться [Ооути: 117].

Х. сошел с ума. Нельзя было вылечить его даже в больнице. Он лежал в бараке. По ночам он кричал «еда!» и бегал кругами или мог положить валенки на кровать. Поэтому мы привязывали его к кровати, но он все равно месил свои испражнения и просил у русских махорку [Ооути: 118].

До сих пор раза два у меня была мокрота с кровью. Теперь я стал харкать кровью, наверное, 150 г выходило. Отдохнув три дня, начал рисовать стенгазету. Мне уже все равно. Через месяц я снова харкал кровью. Меня послали в больницу, но в ней не было рентгена и не было возможности сделать пневмоторакс. Температуры не было, поэтому меня выписали из больницы через месяц [Ооути: 130].

Воспоминания М. Ооути были написаны спустя 10 лет после освобождения. Он писал, как и многие, чтобы стать свидетелем. У него не было причин приукрашивать или чернить свой опыт. Если сравнить его зарисовки из больницы и текст о больнице из альбома отзывов, написанный перед репатриацией неизвестным художником, мы увидим различную реальность.

Белые стены, синие окна, занавески из марли — все это отражает чистоту лечебной комнаты, расположенные в трех палатах 19 коек, покрашенные белой краской. Украшения, рассчитанные на уют в палате, развешаны по всей стене, украшенная лампочка. У каждой койки на столике стоит посаженное дерево, и цветы в вазах хорошо пахнут каждый сезон. График показывает уровень здоровья пленных по 4 категориям [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 18. Л. 99].

В поднадзорном рисунке основное внимание уделено не больным, а той обстановке, в которой он находится. В постлагерном рисунке и комментариях к ним авторы, наоборот, акцентируют внимание не на интерьерах больницы, а на своем самочувствии: физической слабости и ее признакам.

Обсуждая вопросы медицинской помощи, важно помнить статус лагерного врача, который, несмотря на данную когда-то клятву Гиппократу, работал в режиме учреждения, и его функцией было: не просто лечить, а обеспечить относительно здоровое состояние производственного коллектива, недаром же итогом медосмотра было распределение по группам для физического труда.

Лагерный врач — зависимое лицо и не может положить в стационар всех, кому медицинская помощь была необходима. Японский врач — тем более несамостоятельная фигура, которая не может оспаривать мнение советского коллеги (рис. 58). Это почувствовал Кинси Такэути, вместо обычного рисунка в этот раз обратившийся к аллегорической форме, почти политической карикатуре, в которой врач Смоленкова изображена орлицей, а врач Накадзима — кроликом в ее когтях.

Молодой японский врач всегда обращается к советскому врачу — женщине. Несмотря на мои боли, этот врач вычеркнул меня из списка больных. Японский командир кричал

мне: одевайся и на работу. Тебя нет в списке больных, значит, ты можешь работать. А советская врач — офицер проверила мои ноги и дала отдых [Ооути: 64].

Когда тела у всех стали слабеть, несколько человек заболели. Если на ягодице есть мясо, тогда не давали отдых. Ноги стали очень тяжелыми, как будто сапоги набиты свинцом. В кабинете доктора работали женщина и помощник, японский лейтенант — педиатр. Женщина-врач очень хорошая, но японский доктор — молодой и неопытный [Ватанабэ: 207].

Вновь убеждаемся, что тоталитарное общество — это общество спектакля, в котором случается, что порой безопаснее быть сумасшедшим или хотя бы играть роль сумасшедшего.

Единственная возможность скрыть, что я полицейский — попасть в больницу, симулируя ранение головы. Мне надо изображать сумасшедшего. В больнице лежат разные сумасшедшие. Но я не такой. Поэтому трудно делать вид. Я долго наблюдал за ними и подумал, что буду плакать. Когда меня позовут следователи, тогда я стану плакать. *Круглые сутки бить в колокол и смеяться. Капитан, который ведет себя буйно, если ничего не держит в руках, агрессивный дурак. Целый день плачу* [Ватанабэ: 338].

Пленных, страдающих куриной слепотой, рисовали и Н. Киути, и Ё. Уэцухара. Второй подписал свою карту «А» так: *Недостаток витамина А вызывает потерю зрения с сумерек и до рассвета* [Уэцухара: А (1)]. Этим страдали многие, особенно при резкой смене климата. Куриную слепоту описывает Е. Гинзбург и отмечает, что «в лагере лечат одним способом — освобождением от работы на день — два» [Гинзбург: 248, 255]. Лежанием «лечили» и остарбайтеров и военнопленных красноармейцев в немецких лагерях [Полян 2002: 255]. На карте «Ру» (2) медсестра разводит руками: в медпункте нет лекарств.

Вспоминал лагерный госпиталь и Айдзава-сан. «Однажды я попал в больницу и поразился тому, сколько людей умирало, попав туда. Каждый день от двух до пяти человек, за зиму — до пятисот. Я видел нескольких людей, которые скончались от того, что у них не было сил принимать пищу» [Липский: сайт]. В. Шаламов упоминал известный стишок о том, что часто слишком поздно больной получал возможность попасть в оздоровительную команду:

Сначала ОП, потом ОК,
На ногу бирку — и пока! [Шаламов: 40]

К слову, в Хабаровском крае летом 1946 г. в лагере № 5 было создано 10 оздоровительных команд, через которые за четыре года прошло 19 792 чел. Для передовиков производства была открыта комната отдыха, куда их направляли в отпуск на 10–15 дней. За три года через нее прошло 28 487 человек [Кузьмина: 59].

Все японские пленные хорошо помнили «День ловли мух», который был проведен в Токио 20 июля 1938 г. в рамках государственной борьбы за чистоту. Согласно отчетности, свойственной тоталитарным режимам, за день была уничтожена 74 миллиона 145 тысяч 491 муха [Мещеряков 2009: 280]. Поэтому инициатива уничтожения мух в больнице по-стахановски уже не казалась нелепой.

В больнице пропаганда демократизма стала сильнее. Больные, которые могут гулять, должны убивать мух и этим помогать государству. В этом было стахановское движение. Если больше мух убито, то больше хлеба. Но для других японцев мне надо изображать левшу. За углом больницы я тайком убил много мух правой рукой и показал

их. Мне сказали, что левой рукой я хорошо помог демократическому движению. Мне дали больше хлеба [Ватанабэ: 337].

Художники не только помнят свои болезни и немощи, но и то, как их вылечили. Н. Киути, после того как провел две недели незрячим и вновь обрел зрение, «решил взять шефство над слабыми больными в знак благодарности за оказанную ему помощь» [Киути: сайт].

Искренняя признательность советским врачам сохранилась в отзывах или письмах благодарности, и даже в таком заданном жанре нередко встречались слова от души.

Госпиталь. Больные не могут найти слов, как благодарить русских врачей и санитарок за хорошее с ними обращение. Вначале я волновался, как к нам будут относиться русские врачи, но это было совершенно напрасное беспокойство. Благодаря любезному уходу без расового различия со стороны русских врачей я начал выздоравливать. Я уверен в том, что только такое государство как Советский Союз заботится о быте и здоровье не только трудящихся своей страны, но и о нас, военнопленных [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 21 об.].

Официально благодарность советским врачам за сохраненные жизни японских пленников была выражена в 1989 г. По инициативе Японской ассоциации бывших военнопленных «Медали мира и гуманизма» были вручены хирургу Т.В. Конопелько из № 7-го лагерного отделения, фельдшеру М.И. Гусевой из госпиталя № 3370 п. Новочунка и многим бывшим врачам и медсестрам [Коренев: сайт].

Несмотря на общую гуманитарную направленность врачебной профессии, в лагерях врачи должны были следить, чтобы пленные сохраняли трудоспособность и не болели в убыток государству. Санитарная часть в лагере была необходимым элементом в деле эксплуатации пленников. Без нее заключенных загоняли бы до смерти, или они погибли бы от эпидемий. Несмотря на возможную аберрацию памяти и позднейшее облагораживание образа врача, связанное с благодарностью к конкретным лицам, нельзя забывать, что в лагерях лечили не свободных людей в их интересах. Врачи сохраняли фонд рабочей силы в состоянии, годном для использования. Для этого у них было два средства: немного лечения и немного отдыха.

3. ОДЕЖДА И СОЛДАТСКИЕ БОТИНКИ

Одежда всегда является социальным знаком, который и в лагере маркировал статус военнопленного. Солдаты оказались в плену в своей военной форме, которая состояла из двух комплектов — мундира, брюк, шинели и плаща-накидки в шерстяном и хлопчатобумажном вариантах. Существовал и рабочий костюм для пехотинца, но вряд ли каждому солдату давали все три комплекта. Всю амуницию надо было нести на себе, а кроме одежды у каждого солдата были котелок, фляга, комплект постельного белья и другие личные принадлежности. Оказавшись в плену в летнем обмундировании в августе 1945 г., солдаты надеялись на скорую транспортировку в Японию. Однако после раздачи зимнего обмундирования стало ясно, что их везут в холодные места, но не на Хоккайдо, а в Россию.

Когда в свое время экипировали Квантунскую армию, ее руководство учитывало холодный климат Маньчжурии. Пехотинец Квантунской армии в сильные мо-

розы носил специальное зимнее обмундирование — меховую шапку, двубортную шинель с подкладкой, рукавицы и войлочные сапоги с кожаными передками [Молло: сайт]. Такэути перечислял свой гардероб: зимнее обмундирование и летнее, шерстяное пальто, перчатки на ватине, валенки, тряпочные ботинки с ноговицами, гетры [Такэути: 147].

В России до сих пор «кто-то помнит японских военнопленных в зеленых шубах, отделанных собачьим мехом» [Кузьмина: 79]. В музее «Хейва кинен» висит такой тулуп, сшитый из плотной ткани горчичного цвета. Корпус утеплен стеганым ватином, а нижняя часть подбита овчиной. Рукава также подбиты мехом кролика, причем примерно в середине предплечья они отстегиваются. Квантунцы имели и рукавицы на заячьем меху.

На многих рисунках и фотографиях военнопленные изображены в узнаваемых полевых кепи с узким козырьком. Размер такого кепи регулировался шнуровкой сзади.

Среди воспоминаний я не встретила примера, чтобы кто-либо из солдат был хорошо экипирован и ни в чем не нуждался. Возможно, что третий, рабочий, комплект одежды выдавали в специально предусмотренных случаях, или же они были конфискованы при пленении и транспортировке в СССР, или их обменивали в первую очередь. Во всяком случае, все упоминания об одежде в текстах или на рисунках говорят прямо или содержат характерные для травматического нарратива знаки нехватки.

Обувью служили тупоносые ботинки свиной или коровьей кожи, с металлическими подбойками на каблуках. Была и вторая обувь — таби из черного брезента с резиновой подошвой [Догерти III: 82]. Солдатские ботинки не раз изображал Киёси Сато (рис. 59).

Зимой в Сибири нельзя носить ботинки на шнурках. С этими ботинками придется попрощаться. Я их долго носил. Я получил их, когда был в отряде пограничников, и ходил в них в учебной части. С ними я натерпелся в учебке. Когда их вижу, вспоминаю поля в Маньчжурии. Я люблю их, завтра я надену валенки, и уже не буду походить на японского солдата [Сато: сайт].

На рисунках пленные обычно одеты в летнюю или зимнюю солдатскую форму, хотя в «Инструкции по сбору и ремонту теплых вещей в лагерях НКВД для военнопленных» упоминаются зимние головные уборы, полушубки и тулупы, телогрейки ватные, жилеты меховые и ватные, шаровары ватные, свитеры, джемперы, рукавицы и перчатки, валенки и бурки, а также суконные и хлопчатобумажные гимнастерки и брюки [Военнопленные: 394].

Со временем ботинки стали как бы частью солдата, которую любят как продолжение тела, но все же отчуждаемую часть. Похожие на ботинки с полотна Ван Гога,

они стали свидетелями многих драматических событий и символом военного опыта. Эти разношенные, практически разбитые ботинки стали родными своим хозяевам. Почти как перчатка Варлама Шаламова.

Эта перчатка была слоем кожи, который сошел с руки зэка Шаламова вследствие пеллагры и стал экспонатом учебного музея, для обучения на Колыме фельдшерскому делу заключенных [Шаламов: 793–795]. Невольно вспоминаются другие перчатки из человеческой кожи, что экспонируются в музее-мемориале КЦ лагеря Бухенвальд.

Старые солдатские ботинки послужили названием книги рисунков Моринари Ооути. Он также решил, что именно ботинки являются обобщенным символом военного и лагерного опыта военнопленного. Наверное, в тех же не раз отремонтированных ботинках большая часть солдат возвратилась домой.

Син Миязаки изобразил пленного, одежда которого вся истрепалась, превратилась в лохмотья, сшита из лоскутов, вся в заплатках (рис. 60). Эта та самая одежда солдата, которой нет смены, в которой работают днем и спят ночью, пропитанная потом, вся в бурых пятнах крови. Одежда, ставшая второй кожей.

Судзуки, автор письма из альбома отзывов, признавался: одежда, конечно, не новая: тут нет ни одного целого шва, нитки сгнили, при этом — «ни одного пятна и до тонкости хорошо сложенная и поглаженная — это наша одежда. Ботинки отремонтированы и смазаны маслом» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 18. Л. 101]. Для японских пленных было важно выглядеть аккуратным. Как мы читаем в дневнике Ватанабэ: *Японский солдат ипана нет. Японский солдат ипана нельзя* [Ватанабэ: 324].

На одежде каждого военнопленного должен быть прикреплен нагрудный знак — лоскут белой ткани с лагерным номером. Ватанабэ нарисовал их слева на груди, прямо у сердца. Такасуги писал, что «номерные бирки унижали достоинство японцев точно так же, как евреев оскорбляли заведенные в гитлеровской Германии опознавательные знаки на их магазинах и лавочках, как русских — особая форма с буквами SU (Советский Союз) в немецких концентрационных лагерях» [Такасуги. Ч. 2: 101].

У всех военнопленных была нужда в разной одежде, купить ее было негде и не на что. Вариантов не было: пленные оставляли себе одежду погибших товарищей, поэтому хоронили трупы раздетыми. Об этом пишет, например, И. Ёсида: одежда и другие дефицитные вещи были распределены между выжившими друзьями, на память о мертвых. Ему вторит Ц. Хисанага в комментарии к полотну «Реквием 2».

Когда советский солдат проверил факт смерти, то приказал раздеть все трупы. Одежда умерших для пленных — ценность. В краю экстремальных морозов для нас это подарок. Я в слезах просил извинения у покойного и раздевал его, убеждая себя в том, что завтра меня ждет такая же судьба [Хисанага: 47].

Иногда пленным выдавали ношеную одежду красноармейцев. Сибирские старожилы рассказывают, что японцы зимой ходили в изношенных полушубках и суконных буденовках. Скульптуры Миязаки часто изображают военнопленных в буденовках. М. Ооути также свидетельствует, что снабжение, как правило, обеспечивало «одеждой, которую прежде носили советские солдаты, дали валенки и шубы. Все было ношеное и часто огромного размера» [Ооути: 56]. В летнее время пленные предпочитали ходить в своей форме и брезентовых тапочках на деревянной подошве. Некоторые щеголяли в кирзовых сапогах, выменяв их у местных жителей. Особенно любили японцы советские телогрейки и фуфайки: лагерное начальство даже награждало ими особо отличившихся пленных [Тутов: сайт].

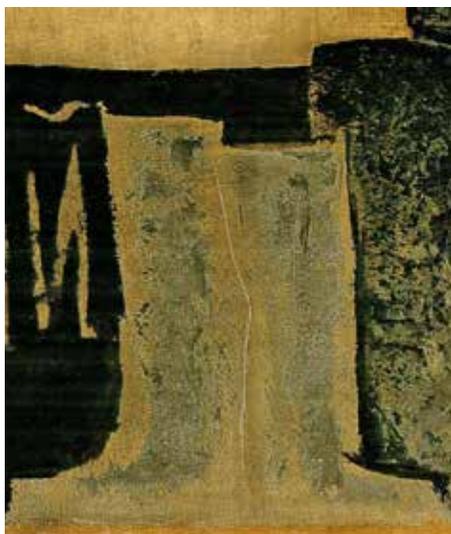
В северных широтах, особенно на лесоповале, важна была теплая одежда. Это в первую очередь ватники или бушлаты. И в них-то было холодно при крепких морозах, и только костер мог немного согреть. Искры, попадая на бушлат, прожигали его худую ткань. Глядя на работы Сато с изображением лесорубов у костра, надо иметь в виду, что вся его одежда много раз горела, тлела и дымилась. Как делился своим опытом Ю. Марголин, лесоруба легко узнать по сквозным зияющим дырам одежды, из которых торчат во все стороны клочья обгорелой коричневой ваты [Марголин: 100].

На рисунках К. Сато мы часто видим, как человек сидит у костра и греется. А вот в ГУЛАГе, как писал В. Шаламов, в его лагере «костер на работе полагался только конвоем» [Шаламов: 48]. Военнопленным же разрешались в морозные дни каждые два часа перерывы для обогривания на 10–15 мин [Военнопленные: 233], хотя вряд ли все распоряжения, особенно направленные на улучшение условий, выполнялись на местах.

Конечно, лагерную одежду нужно было чинить почти ежедневно, ведь запасной смены одежды почти ни у кого не было. Для этого в лагерях были созданы мастерские для реставрации одежды, ремонта и пошива обуви, которую изготавливали то из утиля, то из новых материалов. Так в лагере № 5 в п. Старт в течение 1946 г. и первого полугодия 1947 г. было пошито 9 000 комплектов нового обмундирования [ОА ГАУ № А. Оп.15 Д. 41, цит. по: Кузьмина 67].

На картине Казуки «Домой» изображен пленник, будто высеченный в камне, и слева от него сапоги. Их форма напоминает кирзачи, кирзовые сапоги (рис. 61) — скорее символ советского солдата, его типичная обувь, в которой мужская часть граждан СССР ходила еще долгие годы после войны. Кирзовые сапоги обычно бывают черного цвета, но на полотне Казуки они существенно светлее — значит, пыльные, ношенные много месяцев.

Сапоги в СССР носили с портянками. Эта давняя традиция настолько укоренена в армейских рядах, что только в 2013 г. руководство МО РФ задумалось об их отмене. В 1945 г. портянки вместо носков удивляли японцев. Вот как описывает портянки Такэути.

Кусок ткани наматывается на ногу. Квадрат 50 на 50. Как пользоваться? В середину поставить ногу и наматывать вокруг — получается замена носку [Такэути: 148].

Перед репатриацией большей части военнопленных раздали трофейное японское обмундирование, которым были наполнены 300 железнодорожных вагонов [Военнопленные: 242], и которое ждало своего часа с августа 1945 г. Как планировали руководители МВД СССР, японские подданные перед отправкой будут одеты в новое обмундирование, а генералам будет выдано гражданское платье (демисезонное пальто, костюм, шляпа, сорочка с галстуком, ботинки, две пары носков, две пары нижнего белья) [Военнопленные: 798].

Любая одежда была важна для пленника. Но ботинки для японского солдата стали свидетелями и символом тяжелого солдатского пути.